
Сергей Мохов, Варвара Зотова

ДЕЛО ОБ ОГРАДЕ, СТОЛИКЕ И СКАМЬЕ: РЕЖИМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАКТИКАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТ НА КЛАДБИЩЕ

В статье рассматриваются различные режимы справедливости, лежащие в основе практик предоставления земли для захоронений на общественном муниципальном кладбище. Описываются и интерпретируются представления о справедливости, а также влияние культурного и социального контекста на формирование подобных практик. Эмпирической базой статьи послужило судебное дело, рассматриваемое в Ульяновском областном суде. Поводом к началу судебного разбирательства стал конфликт между двумя жительницами рабочего поселка за место на общественном муниципальном кладбище и за право установки на нем оградки, столика и скамьи. Участники спора, убежденные в правомерности обоюдных претензий, обратились в суд, который оказался в ситуации вынужденного разбирательства в теневых практиках, не регулируемых законом. С позиции нормативного подхода, основными причинами подобных практик принято считать несогласованность федеральных, региональных и местных нормативно-правовых актов, регламентирующих ритуальное обслуживание. Однако при этом остается не проясненным влияние культурного и социального контекста. В качестве выводов следует два утверждения. Во-первых, современный российский рынок ритуальных услуг является наследником советского похоронного дела, где главным принципом было делегирование местным органам власти полномочий по осуществлению захоронений. Это привело к тому, что советские граждане сами хоронили своих родственников – делали гробы, памятники, искали место для захоронения. На примере судебного дела показано, как описанные способы взаимодействия продолжают инертно бытовать в современной России. Во-вторых, практика выделения места

Сергей Викторович Мохов – аспирант школы социологических наук НИУ ВШЭ, редактор журнала «Археология русской смерти», Москва, Россия. Электронная почта: svmhov.hse@gmail.com

Варвара Алексеевна Зотова – социолог лаборатории комплексных социологических исследований «Ксилаб», Москва, Россия. Электронная почта: zotova@ksilab.org

на кладбище – это сложная форма торга и договора, основанного на локальной традиции. В итоге подобная форма становится ресурсом оправдания и формирует особый режим справедливости. В рамках изученного дела показано как сталкиваются различные режимы справедливости.

Ключевые слова: неформальные практики, режимы справедливости, кладбище, кейс-стади

DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36

В течение 2012–2013 гг. между гражданкой А. и гражданкой С. активно развивался конфликт, вызванный спором за место на общественном муниципальном кладбище рабочего поселка Ишеевка и за право установки на нем оградки, столика и скамьи. Эти материальные объекты неоднократно перемещались, разрушались и заново выстраивались каждой из сторон конфликта. Летом 2013 г. гражданка А. подала в суд иск к гражданке С., требуя восстановить разрушенную в очередной раз ограду и компенсировать ей моральный ущерб, который она понесла в ходе затяжного конфликта. На сайте Ульяновского районного суда можно обнаружить материалы этого дела (2013), которое не является уникальным – имущественные споры ведутся в судах постоянно. Однако это дело примечательно другими аспектами.

Во-первых, в ходе процесса суд разбирается в неформальных практиках, которые не регулируются в рамках принятого законодательства: из-за несовершенства законодательной базы, суд вынужден искать основания для вынесения вердикта вне буквы закона, в буквальном смысле выступая в роли морального арбитра. Во-вторых, каждая из сторон конфликта, как это будет показано ниже, оперирует для доказательства своей правоты комплексом различных представлений о справедливости, обращаясь при этом к широкому спектру обоснований.

Анализ судебного спора позволяет не просто зафиксировать столкновение различных режимов справедливости, а увидеть их укорененность в социальном и культурном контексте, который лежит в основании повседневных практик, характерных для похоронной сферы (например, выделение земли для захоронения). Это позволит лучше понять механизмы функционирования рынка ритуальных услуг. В статье мы описываем и интерпретируем аргументацию каждой из сторон конфликта, используя подход к анализу «режимов справедливости» Люка Болтански и Лорана Тевено (2000). Применяя эту концептуальную рамку, мы постараемся ответить на вопрос, какие обоснования справедливости лежат в основе практик распределения мест для захоронения на кладбищах.

Режимы справедливости на постсоветском кладбище

Исследователи ритуальной сферы не раз отмечали ее неформальный и теневой характер (Абелев и др. 2006). Так, среди превалирующих нефор-

мальных практик – способы покупки и продажи мест на кладбище, выдачи тел в морге, а также отсутствие статистического и даже бухгалтерского учета (Моисеева 2011; Филиппова 2009). По мнению исследователей, причиной подобных практик является отсутствие законодательства и наличие множества нормативных противоречий, которые позволяют вольно интерпретировать закон (Абелев и др. 2006). Однако стоит признать, что подобный нормативный подход слабо объясняет контекст формирования и функционирования этих практик, а их возникновение рассматривается исключительно как несовершенство закона, т.е. проблема государства, требующая бюрократического решения. Мы предлагаем посмотреть на проблему с антропологической точки зрения и понять, какое значение эти практики имеют для вовлеченных в них людей. Для этого необходимо найти новые инструменты анализа, посмотреть, как ситуация представляется участниками интеракций изнутри (Шанин 1999: 15). Несмотря на то, что мы будем рассматривать нормативные документы в качестве источника данных, характер возникновения и формирования конфликта позволяет анализировать его с антропологической позиции.

Чарльз Тилли и Роберт Гудин описывают случай в Румынии, когда новые власти попытались юридически закрепить институт наследования и частной собственности и на первых порах потерпели фиаско. Причиной провала было расхождение между юридическим и фактическим пониманием семьи. Для румын, семья, а значит и наследник, – это тот, кто хоронит умершего родственника и ухаживает за его могилой, а не тот, кто является кровным родственником усопшего. Так, юридическая практика разошлась с культурной, поскольку «контекст имеет значение», как замечают Тилли и Гудин (Tilly, Goodin 2006: 7). То, что исследователи называют контекстом, можно интерпретировать через идею представителей французской школы прагматической социологии, Болтански и Тевено, о режимах справедливости. Согласно их концепции, в одном и том же политическом и социальном пространстве люди могут по-разному оценивать одни и те же события, обращаясь к различным типам ценностей (Болтански, Тевено 2000). Режимы справедливости всегда имеют свою «историографию» и укоренены в социальном контексте. Существует шесть основных «миров» или способов обоснования справедливости: мир вдохновения (нонконформистов), домашний мир (авторитетов, построенный на уважении и репутации), гражданский мир (равных людей, превозносящих коллективные ценности), мир мнения (знаменитостей), мир рынка (в котором все строится вокруг обмена товарами и их цены) и индустриальный мир (производства).

Столкновение разных миров, то есть различного понимания, что справедливо для каждой конкретной ситуации, приводят к открытым конфликтам. При этом индивид может переходить от одного режима оправдания к другому в зависимости от контекста, появления в деле новых факторов или расчета. Точки столкновения режимов оправдания и пути выхода из конфликта представляют собой предмет нашего анализа. В момент зарождения разногласия

исследователь получает уникальную возможность свести в одном поле систему аргументации и режимы оправдания различными людьми в отношении одной ситуации. В итоге, как отмечает Олег Хархордин (2007), интерес представляет не объективная истина, а то как люди выстраивают представление о справедливости, обращаясь к опыту, системе ценностей и культурной традиции.

Любое понимание и распознавание какого-то события как «несправедливого» требует процедуры его соотнесения с нормативным представлением о том, как следует поступить. Иными словами, осуществляется выделение ряда характеристик и элементов, по которым событие признается справедливым. Цель исследователя, соответственно, – это выявление и реконструкция системы эквивалентности (соотнесение элементов события друг с другом), а задача – понять, по каким критериям событие соотносится с понятием справедливости и как этот статус может изменяться: т. е. методологический подход концепции режимов справедливости заключается в выявлении подобной системы эквивалентности (Болтански, Тевено 2000: 68). В терминологии исследователей, спор – это процесс, регулируемый правовой системой. Применительно к нашему кейсу, мы рассмотрим в этой связи само судебное разбирательство. Основными материалами для последующего анализа послужили два документа: судебное решение Ульяновского районного суда и апелляционное определение Ульяновского областного суда, вынесенные по существу претензий гражданки А. к гражданке С. в сентябре–ноябре 2013 г. Этот конфликт формально протекал между двумя физическими лицами, предмет спора которых заключался в установлении имущественных прав на место для захоронения на общественном муниципальном кладбище рабочего поселка Ишеевка. Стороны пытались определить его границы, местоположение ограды, скамьи и стола. Эти материальные объекты, согласно концепции Болтански и Тевено, также должны быть включены в процесс установления эквивалентности.

В деле присутствует и третья сторона, выступившая в роли свидетеля со стороны ответчика – местные органы самоуправления (МСУ), которые осуществляют контроль над деятельностью кладбища. Именно с участием органов МСУ принимались решения о выделении участка, а также о переносе и сносе указанных материальных объектов.

Как А. и С. спорили в суде

Когда в 2012 г. у гражданки А. умерла мать, она обратилась к смотрителю Ишеевского кладбища с просьбой выделить два места для захоронения: одно – для матери, а другое – на будущее для себя. Из нескольких вариантов, предложенных ей смотрителем кладбища, она выбрала подходящий по размеру участок, расположенный между могилой матери гражданки С. и могилой гражданина В. Оба захоронения, датированные

началом нулевых годов, не имели ограждения, и только справа от могилы матери С., на границе выделенного А. участка, стояли столик и скамья. Смотритель кладбища заверил, что столик и скамью перенесут на другую сторону могилы матери С., поскольку А. намеревалась в ближайшее время поставить ограду на свой участок, что и было сделано.

Спустя несколько месяцев, весной 2013 г., С. пришла навестить могилу матери и увидела, что ее столик и скамья перенесены на другую сторону, а на их прежнем месте расположена ограда нового участка. Будучи уверенной в том, что эта часть участка принадлежит ей, С. сначала попробовала лично договориться с А., чтобы та убрала ограду, но получила отказ. К тому же, С. усомнилась в словах А. о том, что демонтаж столика и – по оценкам С. – захват земли произошли с разрешения смотрителя кладбища, 14 лет назад определившего за С. этот участок в границах, которые теперь нарушены вновь установленной оградой. За разъяснениями она обратилась в администрацию Ишеевского городского поселения (далее – Ишеевского ГП). В администрации попытались урегулировать возникший между С. и А. конфликт, предложив им поделить пространство между могилами матерей пополам, так, чтобы каждой хватило места для себя, но обе стороны конфликта оказались категорически против такого решения. Поняв, что компромисс невозможен, С. демонтировала часть ограды участка А. и установила собственную, вернув таким образом себе ту часть земли, на которой ранее стояли столик со скамейкой. Подобные действия привели к эскалации конфликта, и А. была вынуждена подать в Ульяновский районный суд иск «об обязанности восстановить ограду и взыскании компенсации морального вреда».

В результате состоялось слушание, в ходе которого в роли свидетелей выступали смотритель кладбища, заместитель Главы администрации Ишеевского ГП и владелица участка, на котором захоронен упомянутый выше гражданин В. В ходе слушания было выявлено, что кладбище, хоть и является по статусу общественным и муниципальным, не состоит при этом на учете в кадастровой палате; не имеет утвержденного проекта и плана; регистрация захоронений ведется только с 2008 г., а распределение муниципальной земли осуществляется смотрителем кладбища на основании собственных представлений о размере участков и необходимости их выделения. Кроме того, оказалось, что ни одна из участниц спора не имеет документов, подтверждающих, что захоронения на их участках имеют семейный (родовой) статус. Отличие семейного захоронения от обычного места на кладбище заключается в размерах выделяемого участка (для него выделяют участок минимум на две могилы), способе его выделения и в степени ответственности администрации кладбища за содержание могил на участке. Если содержание одиночных захоронений в надлежащем виде является обязанностью администрации, то за состояние родового захоронения отвечает владелец участка, указанный в паспорте захоронения. Подобное место можно получить только если есть план кладбища.

Местные нормативно-правовые акты, регламентирующие похоронное дело, оказались на момент слушаний не утверждены администрацией Ишевского ГП. По этой причине суд, опираясь в основном на устное свидетельство смотрителя кладбища, подтвердившего факт предоставления двухместного участка гражданке А., частично удовлетворил заявленные иски требования, признав А. пострадавшей стороной и обязав С. восстановить ограду. Однако и истица, и ответчица оказались не удовлетворены подобным решением и подали апелляционные жалобы в Ульяновский областной суд.

В апелляционной жалобе гражданка А. просила удовлетворить требование о возмещении морального вреда, указывая на то, что вследствие действий ответчицы она перенесла стресс, приведший к ухудшению здоровья. Что касается ее собственных действий, то их А. оправдывала тем, что демонтаж скамьи и столика у могилы матери С. были произведены с ведома смотрителя кладбища. Ответчица в апелляционной жалобе утверждала, что в результате исполнения решения районного суда восстановить ограду А., гражданка С. не сможет поставить ограду на могилу собственной матери. Кроме того, ссылаясь на закон Ульяновской области «О семейных (родовых) захоронениях», С. усомнилась в правомерности действий по распределению земли смотрителем кладбища. Несмотря на то, что Ульяновский областной суд признал некоторые аргументы из решения районного суда сомнительными, апелляционные жалобы были отклонены.

Режимы справедливости и культурный контекст

Чтобы понять и зафиксировать структуру аргументации гражданки С., возмущившейся демонтажем своего столика и захватом, с ее слов, места под захоронение, нужно иметь в виду общий контекст того, как выглядит процесс распределения мест на кладбище. Дело в том, что Россия является наследницей своеобразных и децентрализованных советских практик в сфере организации похоронного дела – захоронениями и всеми сопутствующими процедурами занимались местные органы исполнительной власти. Это реализовывалось следующим образом: похоронами заведовали коммунальные комбинаты и специализированные службы быта, в которых постоянно наблюдался дефицит похоронных товаров, как ритуальных принадлежностей, так и надгробных памятников (Филиппова 2009). По факту, жители сельских регионов и малых городов осуществляли все необходимые для захоронения действия, в том числе выбор места на кладбище, самостоятельно.

Кладбища заполнялись бессистемно и даже стихийно. Выбор места для могилы осуществлялся согласно представлениям хоронящих о хороших/плохих местах, их близости к захоронениям родственников, договоренностям между соседями. Человек выбирал свободное место для захоронения, очерчивал границы своего участка – например, ставил ограду или размещал на предполагаемом участке объекты поминальной инфраструктуры и таким

образом обозначал свои имущественные права на землю. Собственно, появление и распространение оград на российских кладбищах имеет именно такие причины (Мохов 2014).

Эта практика никак не регулировалась властью вплоть до 1996 г., когда был принят Федеральный закон «О погребении и похоронном деле». Однако он не внес принципиальных изменений, а скорее закрепил устоявшуюся практику. Согласно нормативному документу, оказание услуг по погребению (с выделением мест на кладбищах, в частности) должны заниматься специализированные службы, создаваемые органами МСУ. То есть по факту, проблема захоронения граждан и содержания кладбищ – это проблема локальных властей, которую каждый субъект федерации решает самостоятельно. Правда, в законе есть указание, что кладбища должны быть оформлены надлежащим образом – то есть, поставлены на кадастровый учет, – для чего должен быть разработан генеральный план объекта, а распределение мест должно происходить в соответствии с картой. Согласно нашим наблюдениям в рамках более общего исследовательского проекта, на практике это требование не исполняется, и кладбища зачастую продолжают существовать и развиваться стихийно. Причина видится в том, что МСУ должны не просто создавать службы и вносить кладбища в кадастровую карту, но и выделять на их содержание средства из местного бюджета, а это, в свою очередь, не всегда выгодно муниципалитетам.

Собственно, это первый момент, который мы должны зафиксировать и занести в список эквивалентностей: практика распределения мест для захоронения сложилась и продолжает функционировать таким образом, что граждане зачастую выбирают место на кладбище согласно не какой-либо нормативной процедуре, а входе неформального торга и переговоров. Превалирующий принцип – место принадлежит тому, кто первый предъявил права на него, то есть обозначил свои притязания на участок. Соответственно, справедливым для участников этих практик может считаться то, что соотносится с этой традицией.

Как мы видим из материалов дела, процедура выделения места для захоронения в данном случае встроена в эту логику, что подтверждает сюжет с поиском участка непосредственно «на местности», свидетельствующий об отсутствии генерального плана кладбища с четким распределением занятых и свободных земель. На момент написания статьи, данные о внесении ишеевского кладбища как инфраструктурного объекта Ишеевского городского поселения в реестре публичной кадастровой палаты отсутствовали. Соответственно, распоряжаться им, выделяя места для захоронений ни МСУ, ни кто-либо другой не может. Юридически кладбища не существует, что добавляет манипуляциям с ним элемент неопределенности. Участки для захоронения выделяются в ходе простого поиска свободных мест, вместо того чтобы предоставляться согласно заранее намеченному администрацией плану.

Началом конфликта послужили действия смотрителя кладбища. Не являясь представителем специализированной службы по уходу за захоронениями, он, тем не менее занимается распределением участков на кладбище. В целом само наличие такого человека вполне вписывается в логику сложившихся практик. В СССР местные органы исполнительной власти выполняли все функции по уходу и распределению мест на кладбище. Как правило, этим занимался сельский староста в случае небольших поселений, или коммунальная служба. Они просто фиксировали место, куда производилось захоронение, и решали возникающие споры. При этом места для захоронения не регламентировались никакими нормативными документами. Интересно, что в ходе полевого исследования летом 2016 г. в одном из небольших поселений нам встретился сельский староста, который до сих пор является ответственным за распределение мест на кладбище. Его фамилия и телефон указаны на самодельной табличке, прибитой на дереве при входе на погост.

Выделив гражданке А. место, смотритель кладбища, не договорившись с гражданкой С., одобрил демонтаж столика и скамьи на соседнем участке, нарушив тем самым общепринятые нормы. Смотритель кладбища, являясь одним из структурных носителей этой практики, тем не менее отступил от сложившейся традиции. Это и явилось причиной неприятия С. того, что ее место было перераспределено, несмотря на наличие инфраструктурных объектов, призванных обозначить границы участка. Спустя время, С. обнаружила факт демонтажа и предприняла попытку договориться с А. о восстановлении границ своего участка. Она рассчитывала, что А. знает и разделяет традиционные нормы, существующие в этой сфере, но получила отказ. Тогда С. обратилась за разъяснением в Администрацию Ишеевского ГП, где ей пояснили, что столик и скамью вернут на место, но уже с другой стороны могилы, с чем С. не согласилась.

В концепции Болтански и Тевено это называется диспозитив и ситуация – особая конфигурация материальных объектов и людей, которые образуют непосредственный контекст для дальнейшей аргументации в пользу того или иного режима справедливости (Болтански, Тевено 2000). Для гражданки С. само наличие столика и скамейки предполагало, что данное место не может никем оспариваться. Столик и скамья иконически служат для обозначения прав на эту землю. Иными словами, гражданку С. интересует не само наличие столика и скамьи, а место, которое они занимают и которое она рассчитывает использовать в будущем. Разрушение этих объектов – посягательство на ее право собственности.

Болтански и Тевено уделяют особое внимание тому, как достигается компромисс при столкновении режимов оправдания. Значение приобретают способы, при помощи которых люди идут на уступки: что считают важным и неизменным, а чем готовы поступиться ради примирения. Администрация поселения попыталась урегулировать возникший конфликт, предложив

компромиссный вариант с разделением спорного места в равных долях. Но в итоге ни одна из сторон конфликта не осталась удовлетворенной подобным предложением, так как считала, что именно ей принадлежит предполагаемый участок целиком. Это привело к тому, что С. начала бороться за сохранение границ своего участка путем установки собственной ограды и демонтажа ограды оппонентки. Нам представляется это крайне важным моментом для понимания мотивации каждой из сторон. По сути, каждая из них в ходе конфликта защищает свое право быть захороненной рядом с матерью. Компромиссные варианты в этом случае проблематичны.

В итоге администрация Ишеевского ГП не смогла урегулировать конфликт мирным путем, сославшись на нормативные правила. Конфликт перешел в формат судебных разбирательств. Этот пример иллюстрирует превращение неформального в формальное, то есть сцены – в спор, по Болтански и Тевено. Сцена между С. и А. возникла в тот момент, когда С. выразила недовольство, озвучила другой стороне претензии на участок, но получила отказ в диалоге. И так как сцена не была урегулирована мирным путем, она превратилась в правовой процесс. В суд обратилась А., ссылаясь на ухудшение здоровья из-за перенесенного «глубочайшего стресса», вызванного «погромом», устроенным ответчицей на могиле матери, и потребовала не только восстановить ограду, но и возместить моральный вред в размере 50 тыс. рублей. Ответчица искивые требования не признала, поскольку участок кладбища, выделенный смотрителем в 1999 г., по ее мнению, имеет статус семейного захоронения. Суд в свою очередь обращает внимание на формальные атрибуты права собственности:

Гражданке С. место под захоронение [ее матери] было выделено также смотрителем кладбища. Никакие документы об этом ей не выдавались. Никакого распределения участков на кладбище нет.

Из истории дела и аргументации одной из сторон мы узнаем, что свободное место между могилой матери и могилой гражданина В., ставшее в итоге предметом спора, ответчица договорилась поделить с «хозяйном» соседнего участка, гражданином В. еще в начале 2000-х гг. С его разрешения были установлены столик и скамья. Именно личные взаимоотношения и торг между участниками заменили потенциально легальное поле ритуального рынка. Родственники похороненных решали споры между собой и распоряжались землей:

Маму гражданки С. похоронили рядом с могилой гражданина В., но между их могилами был промежуток, [принадлежавший семье В.]. Гражданка С. свою территорию не огораживала, [договорившись] с В. поделить это место на двоих. Было это еще в начале 2000-х годов. Гражданка С. тоже хочет быть похоронена рядом со своей мамой. С разрешения В. в 2000 году они поставили столик и лавочку в промежутке между могилами.

Аргументация такого неформального раздела земли оказывается в поле этических представлений и морального закона – С. тоже хочет лежать рядом с матерью, а значит, имеет право на эту землю. К тому же она раньше, чем истица, смогла зарезервировать данную территорию, договорившись с соседями о разделе земли. В этом кроется причина, по которой «самовольный демонтаж» столика и скамьи вызвал негативную реакцию одной из сторон. С точки зрения А., демонтаж является справедливым, потому что произведен представителем власти, и поэтому не требует никаких иных согласований. Но логика ответчицы дает иную оценку событиям: смотритель кладбища поступил неправильно, поскольку не учел интересы других участников, нарушил устоявшиеся представления о справедливости. Конфликт предлагается «решить по-хорошему», то есть восстановить действие неформальных моральных норм:

Гражданка С. сказала, что поставит свою ограду, раз они не хотят решить данный спор по-хорошему. Гражданка А. пришла на кладбище и увидела, что на могиле матери С. установлена [новая] ограда, а часть ее ограды <...> демонтирована и приложена [рядом]. Считает, что С. не имела право так поступать.

В этом контексте интересно столкновение двух моделей оправдания получения места под захоронение. С одной стороны, оправдание в форме домашнего режима, по Болтански и Тевено, когда справедливо именно то, что находится в логике сложившихся практик. С другой стороны – видоизмененный гражданский режим, к которому прибегает гражданка А., когда заявляет, что место ей выделил смотритель кладбища, то есть представитель закона, хотя обоснование его властной позиции вновь потребовало бы апеллирование к традиции.

О причинах существования практики самовольного распределения земли под захоронения на суде рассказал представитель администрации городского поселения. Он признался, что кладбище не имеет абсолютно никаких документов, при этом оно очень старое и хоронят там давно, что, по его мнению, оправдывает бездействие органов МСУ. Какие-либо нормативные документы, которые бы регламентировали размеры выделяемых участков, а также их местоположение, отсутствуют. Главным при выделении места для захоронения остается принцип соблюдения интересов каждого из участников процесса, то есть определенная форма справедливости. По признанию представителя администрации, кладбище до недавнего времени было большим и поэтому подобных разногласий не возникало – каждый занимал место, которое выбирал заранее:

До настоящего времени каких-либо разногласий по поводу предоставления мест для захоронений, не возникало <...> это объясняется тем, что до этого мест для захоронения было много. В настоящее время <...> мест для захоронения на старом кладбище почти не осталось. Соответственно,

стали выделяться места для захоронений там, где раньше стояли столики и лавочки, установленные родственниками умерших рядом с могилами. По этому поводу устное распоряжение смотрителю кладбища давала заместитель Главы администрации.

Подобные признания в совокупности с отсутствием нормативно-правовых актов, которые были бы утверждены администрацией Ишеевского ГП, ставят суд в сложное положение: де-юре нет ни кладбища, ни могилы, а все решения, которые принимаются акторами, лежат в плоскости неформальных практик и принятых в данном сообществе «правил игры». Рассматривая подобный локальный конфликт и пытаясь отыскать решение, суд вынужден обращаться к законодательным актам более высокого уровня – районным, областным, федеральным, но они зачастую противоречат друг другу (Абелев и др. 2006).

Отдельный интерес представляют аргументы, приводимые Ульяновским районным судом, постановившим частично удовлетворить исковые требования. В сложившихся обстоятельствах суд опирается на устное объяснение смотрителя кладбища, подтвердившего, что А. был выделен двухместный участок. Но при этом суд не принимает к рассмотрению ни аргумент ответчицы, что оспариваемый участок земли был занят ею раньше истицы, ни свидетельства гражданина В. о существующей договоренности по разделу участка: «Отвод земельного участка под погребение на два места осуществлено смотрителем кладбища, который в судебном заседании подтвердил факт предоставления А. под погребение двух мест».

Хотя смотрителя кладбища нельзя назвать незаинтересованным лицом, его слова, не подкрепленные письменными доказательствами, становятся основополагающими при вынесении решения. В качестве доказательной базы, подтверждающей слова смотрителя кладбища, суд ссылается на показания заместителя Главы администрации, сообщившей, что смотритель действовал с одобрения Главы администрации на основании устной договоренности. В подобных действиях суда наглядно проявляется попытка транспонировать конфликт из режима устоявшейся традиции в правовое поле:

Несмотря на то, что из представленных гражданско-правовых договоров с [смотрителем кладбища] следует, что в его обязанности входит уборка мусора на территории [общественного кладбища] и ведение учета захоронений <...>, он также ведает и отводом земли под захоронения, поскольку иных лиц, которые бы осуществляли эту деятельность, в МУ Администрации МО «Ишеевское ГП» Ульяновского района Ульяновской области не имеется, что подтвердила в судебном заседании допрошенная в качестве свидетеля [зам. Главы администрации].

Суд решает таким образом сохранить сложившийся статус-кво: похоронное дело регулируется в рамках привычных практик, в которых полномочия по распределению земли остаются за местными органами самоуправления. Интересно, что при этом в мотивировочной части своего

решения, суд, основываясь, в том числе и на недействительных в 2013 г. нормативно-правовых актах¹, обвиняет ответчицу в самовольном захвате муниципальной земли: «столлик и лавочка были установлены на земле, являющейся муниципальной собственностью и имеющей целевое назначение – для захоронений». Так, суд отрицает полномочия ответчицы распоряжаться землей, если у муниципальных служащих возникли иные планы на спорный участок, несмотря на то, что на момент слушаний кладбище не было формализовано, сведения о нем отсутствовали в Росреестре.

Решение районного суда показательно. С одной стороны, суд признает законность принципа, согласно которому похоронными делами (и конфликтами) занимаются МСУ. В ситуации отсутствия или несовершенства законодательной базы МСУ продолжают решать возникающие конфликты на свое усмотрение. С другой стороны, решение конфликта так, как это сделало МСУ, нарушило сложившуюся систему неформальных взаимоотношений. В итоге это судебное решение не привело к завершению спора и не исчерпало конфликт. Более того, в апелляционной жалобе одна сторона сомневается в компетенциях смотрителя кладбища, подтвержденных районным судом. Выстраивая режим оправдания, гражданка С. считает, что он нарушил устоявшуюся традицию и принцип справедливости. В то время как гражданка А. настаивает, что смотритель действовал в рамках формальных правил.

Ульяновский областной суд в апелляционном определении, признал действия смотрителя кладбища неправомерными, но, несмотря на это отклонил обе жалобы:

...то обстоятельство, что участок для захоронения матери истицы был предоставлен смотрителем кладбища в отсутствие соответствующего решения администрации МО «Ишеевское городское поселение» не влечет отмену оспариваемого судебного решения.

Признание апелляционным судом неправомерности действий смотрителя кладбища, казалось бы, созвучно представлениям С. о справедливости. Однако это признание не привело к пересмотру решения районного суда, что показывает разрыв между формальными правилами и неформальными практиками в ритуальной сфере. Суд таким образом еще раз подчеркивает приоритет сложившихся обычаев и традиций над буквой закона при разрешении споров, возникающих в рамках ритуально-похоронной индустрии.

Заключение

В рассмотренном кейсе и гражданка А., и гражданка С. спорят вовсе не из-за столика, скамьи и стола. Цель каждой из сторон – сохранение

¹ В частности, суд ссылается на СанПиН 1600–77 «Санитарные правила устройства и содержания кладбищ» от 10.02.1977 (заменен в 2003 г.), а также на «Инструкцию о порядке похорон № 3» от 10.01.2000 (в 2001 г. переведена в разряд Рекомендаций).

за собой права на участок для захоронения. Само право выбирать себе участок, огораживать его, решать проблемы с соседями – лежит в логике сложившихся локальных практик, тесно связанных с конкретными культурными и социальными причинами. Именно устоявшиеся практики формируют представления о существовании «правил игры», то есть дают актерам понимание справедливости, диктующее логику оправдания ряда поступков и сталкивающееся в итоге с конфликтующим порядком. Если для гражданки С. справедливым кажется соответствие ее действий привычке, то для гражданки А. – одобрение ее действий властью. Третья сторона – смотритель кладбища и местные органы самоуправления – балансирует между двумя порядками справедливости, предлагая компромиссное решение проблемы. С одной стороны, деятельность смотрителя легитимируется только привычкой, а с другой – представители власти должны решать возникающие проблемы в правовом поле.

В формировании режима оправдания гражданки С. просматривается вполне четкая и понятная традиция. Во-первых, современный российский рынок ритуальных услуг является наследником советского похоронного дела, где главным принципом было делегирование местным органам исполнительной власти всех полномочий по осуществлению захоронений. Это привело к тому, что советские граждане сами хоронили своих родственников: заказывали памятники, гробы, искали место для захоронения. Кладбища функционировали автономно, появлялись и развивались стихийно. Мы показали, как эти практики продолжают инертно существовать в современной России. Во-вторых, сама практика выделения места на кладбище – это сложная форма переговоров. Она включает в себя несколько ключевых сторон: государство в лице местной администрации, смотрителя кладбища, номинальных владельцев участков (родственников захораниваемых), а также родственников тех, кто захоронен рядом. Для того чтобы получить место, нужно не только согласовать конкретную локацию с администрацией, но и договориться со всеми участниками.

Как мы увидели из рассматриваемого кейса, к закону обращаются в самую последнюю очередь, и даже тогда аргументация строится на основании личной истории, устных свидетельств, локальных правил и сложившихся практик. Все это диктует понимание того, что является справедливым, а что нет. Государство, делегируя похоронную деятельность органам МСУ, по сути, сохраняет эту важнейшую сферу социальной политики как сложное и многомерное пространство моральной экономики, где одним из главных принципов является традиция и локальные представления о справедливости.

Рассмотренный кейс не может являться обобщающим примером. Однако данные, которые поступают в ходе проведения полевого исследования в одном из регионов центральной России, позволяют сделать вывод о том, что описанные принципы являются в целом характерными для

рынка ритуальных услуг. Этот случай является отправной точкой для дальнейшего исследования неформального на рынке ритуальных услуг с социо-антропологической позиции.

Список источников

Абелев М., Рожков С., Зулфугарзаде Т. (2006) Похоронное дело в России. *Заместитель главного врача*, (4): 137–140.

Болтански Л., Тевено Л. (2000) Социология критической способности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (3): 66–83.

Моисеева Е. Н. (2011) Аффективно насыщенные рынки. *Социологические исследования*, (7): 132–139.

Мохов С. В. (2014) Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет. *Живая старина*, (2): 50–52.

Ульяновский районный суд (2013) *Решение по делу № 2–351/2013 ~ М-349/2013* (Ульяновская область).

Федеральный закон (1996) *О погребении и похоронном деле № 8-ФЗ* от 12.01.1996 г.

Филиппова С. В. (2009) Кладбище как символическое пространство для социальной стратификации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 12 (4): 80–96.

Хархордин О. В. (2007) Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. *Социологические исследования*, (1): 32–41.

Шанин Т. (1999) Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. Т. Шанин (ред.) *Неформальная экономика: Россия и мир*, М.: Логос: 11–32.

Goodin R. E., Tilly C. (2006) *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis (Oxford Handbooks)*, Oxford: Oxford University Press.

Sergey Mokhov, Varvara Zotova

THE CASE OF THE FENCE, TABLE AND BENCH: ORDERS OF WORTH IN THE ALLOCATION OF PLACES WITHIN A CEMETERY

In this article, different justifications underlying practices of burial and land use in a public municipal cemetery outside the village of Isheyevka are considered. We describe and interpret the ideas of justice operating in this location, as well as revealing the influence of the cultural and social context on the formation of similar practices. The empirical base of the article was taken from a court case in Ulyanovsk Regional Court, which concerned a conflict between two women, both of whom resided in a nearby workers' settlement. At the heart of the judicial proceeding was a struggle to obtain a place in the public municipal cemetery and install a fence, table and bench there. The participants in this dispute were convinced of the legitimacy of their respective claims and, in 2013, they referred the matter to Ulyanovsk Regional Court, which was forced to rule on 'shadow' practices not typically regulated by the law. From the standpoint of a regulatory approach, informal practices are viewed as a response to inconsistencies in federal, regional and local regulations over ritual burial services. However, the cultural and social context still must be clarified, and it is here there are two conclusions that can be drawn. Firstly, Russia's funeral services market is still very much in the shadow of Soviet funeral practices, where the main prerogative was to delegate all burial responsibilities to municipalities. This meant that for a number of decades it was common practice for many Soviet citizens to bury their relatives by themselves; this includes making graves and coffins, and searching for a burial place. In examining this court case we find that many of these practices continue to exist in modern Russia. Secondly, the practice of allocating space in the cemetery itself is a complex form of bargaining and agreement, often based on local traditions. Thus, this practice became a resource of justification for the claims of plaintiffs', creating their special order of worth. This study shows, above all, how different orders of worth confront and interact with one another.

Key words: informal practices, justification, cemetery, case-study

DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36

Sergey V. Mokhov – MA in history, postgraduate student of National Research University Higher School of Economics, Editor in chief of Death Studies journal «Archeology of Russian death», Moscow, Russian Federation. Email: svmohov.hse@gmail.com

Varvara A. Zotova – sociologist in Laboratory for Mixed Social Research «Ksilab», Moscow, Russian Federation. Email: zotova@ksilab.org

References

- Abelev M., Rozhkov S., Zul'fugarzade T. (2006) Pokhoronnoe delo v Rossii [The Funeral Business in Modern Russia]. *Zamestitel' glavnogo vracha* [Assistant to the Chief-physician], (4): 137–140.
- Boltanski L., Thevenot L. (2000) Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti [The Sociology of Critical Capacity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], (3): 66–83.
- Federal'nyy zakon (1996) *O pogrebenii i pokhoronnom dele* [On the Burial and Funeral Business] No. 8-FZ from 12 January 1996.
- Filippova S. V. (2009) Kladbishche kak simvolicheskoe prostranstvo dlya sotsial'noy stratifikatsii [The Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 12 (4): 80–96.
- Goodin R. E., Tilly C. (2006) *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis* (*Oxford Handbooks*), Oxford: Oxford University Press.
- Kharkhordin O. V. (2007) Pragmaticheskiy povorot: sotsiologiya L. Boltanski i L. Teveno [The Pragmatic turn: The Sociology of L. Boltanski and L. Thevenot]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (1): 32–41.
- Moiseeva E. N. (2011) Affektivno nasyschiennye rynki [Affectively Saturated Markets]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (7): 132–139.
- Mokhov S. V. (2014) Pochemu ogrady kladbishch krasyat v goluboy tsvet [Why Cemetery Fences are Painted Blue]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], (2): 50–52.
- Shanin T. (1999) Jekspoljarnye struktury i neformal'naja ekonomika sovremennoj Rossii [Ex-polar Structure and the Informal Economy of Modern Russia]. T. Shanin (ed.) *Neformal'naja ekonomika. Rossija i mir* [The Informal Economy. Russia and the World], Moscow: Logos: 11–32.
- Ul'yanovskiy District Court (2013) *Case decision № 2–351/2013 ~ M-349/2013* (Ul'yanovsk region).